

Р. В. ИЕЗУИТОВА,

заместитель директора по научной работе Всероссийского музея А. С. Пушкина,
доктор филологических наук (Санкт-Петербург)

ЦАРСКИЕ САДЫ В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА И В. А. ЖУКОВСКОГО

Тема царских садов позволяет напомнить об особых культурно-исторических заслугах русских монархов, оставивших нам знаменитые царскосельские и павловские резиденции в окружении садов и парков, воспетых А. С. Пушкиным и В. А. Жуковским.

Существенно важно указать, что «победитель-ученик» в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814) опередил своего поэтического наставника в обращении к этой теме, потому что «Славянка» Жуковского (1815) была написана почти год спустя и несет следы отклика на пушкинский текст.

Характерно, что тема садов — ключевая для каждого из этих стихотворений. И не просто садов, а именно садов царских. Воспетые в стихотворении Пушкина «древние липы», «кристаллы зыбких вод», «кремнисты водопады», озеро — это узнаваемые черты пейзажа Екатерининского парка, на фоне кото-

рого дается прямая отсылка к царским чертогам:

Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы росской храм?
Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?¹

Может быть, впервые так отчетливо юный гений сформулировал прямую связь «прекрасного царскосельского сада» с исторической жизнью огромной и мощной страны. В изображении поэта сад не просто место отдыха и эстетических наслаждений, это хранилище

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 20 т. СПб., 1999. Т. I. С. 69. Далее ссылки на сочинения Пушкина даются по этому изданию с указанием римской цифрой тома, арабской — страницы.

истории (и какой истории!?), «Когда под скипетром великия жены Венчалась славою счастливая Россия»¹. Воображаемая ночная прогулка по саду — это путешествие по славным страницам российской истории, воплощенной в художественных памятниках Екатерининского парка, это элизиум великих мужей России, прославивших страну, и великих монархов (Екатерины II и Александра I), ее представляющих. В поэтическом тексте запечатлен мастерски воссозданный хронотоп царского сада как хранителя воспоминаний о величии и славе России, ибо воспетые Пушкиным исторические памятники — знаки тех побед, прямыми наследниками которых являются нынешние герои Отечественной войны 1812 г. «Из скульптур и памятников Царского, — пишет Д. С. Лихачев, — Пушкин откликается главным образом на исторические памятники русским победам. Это отчасти объясняется тем, что Павел I увез из Царского большинство статуй, и сады Лицея вообще были ими сравнительно небогаты во времена Пушкина, Павел не решился разрушить <...> эти памятники»². Такова была как бы заново обнаруженная и глубоко осмысленная поэтом философско-эстетическая концепция, положенная в основу того царского парка, который наблюдал и до мельчайших подробностей знал Пушкин-лицеист; он сумел передать ощущение общности истории с ее великими деятелями с самым лирическим повествователем, их неразрывное единство. В восприятии Пушкина царское-сельский парк не был садом исключительно самих царей и их высоких гостей; он был садом для лирически настроенного посетителя и, конечно же, для каждого лицеиста. Позднее Пушкин найдет для него замечательную формулу «сады Лицея». В статье Д. С. Лихачева «Сады Лицея» раскрывается тот символический, многозначный смысл, который вкладывал Пушкин в этот образ-хронотоп, как бы превращая сады царско-сельские в сады Лицея, разумеется, имея при этом в виду не только и не столько лицейский садик, а прежде всего сад царей, в котором поэт «безмятежно расцветал».

Счастливо сложившаяся судьба этого стихотворения широко известна: оно вызвало восторг не у одного Державина, а было не менее восторженно встречено в литературных кругах Москвы, в особенности В. А. Жуковским, задержавшимся там у друзей проездом в Дерпт. Показательно, что, приехав в мае 1815 г. в Петербург, Жуковский поспешил лично познакомиться с молодым чудо-

творцем, побывав в Лицее сначала в июле, а затем и в сентябре. Между тем в самом начале сентября Жуковский по приглашению императрицы Марии Федоровны посетил ее летнюю резиденцию в Павловске. Прогулка по другому царскому парку (на этот раз павловскому) вдохновила Жуковского на создание элегии «Славянка». Можно предположить, что на этот замысел Жуковского навели пушкинские «Воспоминания», хотя у каждого из поэтов собственная художественная палитра, другой и сад. «В пейзажных парках, — указывает Д. С. Лихачев в той же статье, — важным моментом явилось появление монументов <...>, отражавших личные, индивидуальные чувства к друзьям, родным, к философам и поэтам»³. Так мы подходим к теме садов романтизма: это не просто пейзажные сады с имитацией как бы неупорядоченной природы (английского парка), а сочетание природного живописного ландшафта с умело вписанными в этот ландшафт знаковыми постройками и скульптурами как своего рода вехами внутреннего духовного состояния посетителя сада.

Вкусы владелицы павловского парка во многом иные, чем у знаменитой «Минервы русской». Величие государственного масштаба ее личности заменяется величием матери русских царей, дочери царей и жены царя (так она характеризуется в послании к ней Жуковского 1814 г.). Но эту особенность хозяйки павловского сада поэт не акцентирует, он на нее намекает:

Лишь ярко заревом восточный брег облит,
И пышный дом царей на скате позлащенном,
Как исполин, глядясь в зеркало вод, блестит
В величии уединенном⁴.

Позднее в «Послании о луне» Жуковский еще раз воссоздает этот образ:

Сколь милы в Павловске вечерние картины!
Люблю, когда закат безоблачный горит;
Пылая, зыблются древесные вершины,
И ярким заревом осыпанный дворец,
Глядясь с полутопы в водах, покрытых тенью,
Мрачится медленно, и купол, как венец,
Над потемневшею дерев окрестных сенью
Заката пламенем сияет в вышине...⁵

Павловский парк, подчеркивает Лихачев, «на первых порах устраивался как парк личных воспоминаний»⁶ матери-императрицы

³ Лихачев Д. С. «Сады Лицея». С. 192.

⁴ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 2000. Т. II. С. 23.

⁵ Там же. С. 158–159.

⁶ Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. С. 228.

¹ Пушкин А. С. Указ. соч.

² Лихачев Д. С. «Сады Лицея» // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1979. Т. IX. С. 194.

о родном ее Монбельярском парке, а затем постепенно стал хранилищем семейных воспоминаний и важных событий царского семейства. Даже в самих названиях знаменитых памятников супругу-благотелю, семейная роца, памятник умершей рано дочери Александре Павловне, — иной настрой, грустный, мечтательный, а также мирный и даже идиллический. Здесь отражается новое представление о парке пейзажном: сад не должен иметь четких границ с окружающей сельской местностью, но и в самом саду появляются незатейливые сельские уголки (шале, сельский двор), садовый пейзаж оживляется и идиллическими сельскими картинками:

Там слышен на току согласный стук цепов;
Там песня пастуха и шум от стад бегущих;
Там медленно, скрипя, тащится ряд возов,
Тяжелый груз снопов везущих¹.

Памятные скульптуры павловского парка (стелы, мавзолеи, павильоны и т. п.) иные, чем в Царском Селе, они интимно-личностные. Храм дружбы, рухнувшая в 1817 г. колоннада Аполлона, павильон Трех граций — это не только дань новым веяниям в архитектуре в эпоху неоклассицизма, но и знаки переоценки ценностей, перенесение акцента с общезначимого на индивидуально значимое. В этом случае уникальным является соответствие стиля и философии самого хронотопа павловского парка с его защищенностью от внешнего беспокойного мира духовному миру ищущего уединения и размышляющего на лоне природы посетителя. В лице романтика Жуковского парк обрел своего певца, своего поэта.

В «Славянке» Жуковского, как и ранее, но по-другому, у Пушкина-лицеиста в «Воспоминаниях в Царском Селе», имеет место духовный резонанс рукотворного художественного памятника (царского сада) и творческой личности поэта, при этом царскосельский сад вызывает чувства восторга, «упоения в бою», гордости победами, тогда как павловский парк настраивает на умиротворение, единение с природой, философское восприятие окружающего. Пафос пушкинских «Воспоминаний в Царском Селе» сродни оде. «Славянке» более соответствует форма элегии и даже лирического дневника. Характерно, что у Пушкина повествование ведется не от первого лица, исторические ассоциации рождаются в парке у всякого истинного россиянина. Жуковский, напротив, повествует от себя лично: «Спешу к твоим брегам», «Что час, то новая в глазах

моих картина», «Вхожу с волнением под их священный кров» и др. И Пушкин, и Жуковский описывают царские сады, что называется, с натуры. Но у Пушкина на основе едва ли не каждодневного в лицейские годы посещения Екатерининского парка воссоздан точный и целостный художественный образ, хотя в основе сюжета стихотворения и лежит воображаемая ночная прогулка по этому парку. Жуковский в «Славянке» описывает вполне реальную, собственную прогулку по павловскому парку в начале сентября 1815 г. До этого времени поэту не удавалось (или лишь изредка удавалось) бывать в нем. Напомним, что Жуковский провел в Петербурге лето-осень только в 1815 г. До этого он дважды приезжал в столицу на короткое время ранней весной в 1805 и 1809 гг. (время, не подходящее для прогулок по паркам и садам). Однако текст «Славянки» выразительно свидетельствует о прекрасном знании общего плана и ландшафтов павловского парка.

Откуда мог почерпнуть эти сведения Жуковский? На этот вопрос помогает ответить недавно попавшая в наше поле зрения брошюра А. К. Шторха «Письма о саде в Павловске, писанные в 1802 году», изданная в Петербурге на немецком языке в 1803 г. В русском переводе Ю. А. Ходосова она впервые была опубликована издательством «Журнал “Нева”» в 2004 г. с прекрасным предисловием и комментариями С. В. Выжевского. Немецкий язык Жуковский знал в совершенстве и, как это следует из его дневников, был хорошо знаком не только с автором брошюры (который был в свое время учителем великих князей Марии и Екатерины, а затем и великих князей Николая и Михаила), но впоследствии и с сыновьями Шторха³. Известно, что в 1843 г. Жуковский принял участие в издании другого путеводителя по г. Павловску и его знаменитому парку, автором которого был уже сын А. К. Шторха — П. А. Шторх, а Жуковский иллюстрировал его книгу своими павловскими гравюрами. Длительность и устойчивость личных связей Жуковского с семейством Шторхов позволяет предположить, что брошюра 1802 г. вполне могла быть известной автору «Славянки»⁴.

Вот всего лишь несколько примеров текстуальных перекличек текстов А. К. Шторха (достаточно точно переданных в русском переводе) со стихами Жуковского: «Давайте, мой

³ См.: Жуковский В. А. Указ соч. Т. XIII. С. 130, 242, 386, 530; Т. XIV. С. 375.

⁴ См.: Шторх А. К. Письма о саде в Павловске, писанные в 1802 году. СПб., 2004.

¹ Жуковский В. А. Указ. соч. Т. II. С. 22.

друг, поспешим в сад, чтобы найти там тенистые тропы...», «...я спешу к теплу ночлега...» — часто повторяющаяся фраза, имеющая аналог у Жуковского. Или восхищение разнообразием открывающихся видов: «Но как местность тут разнообразна!» (у Жуковского — «Что шаг, то новая в глазах моих картина»). В авторских примечаниях к «Славянке» зависимость от «Писем о саде в Павловске» еще заметнее. Сравните описание березовой («семейной») рощи Шторхом: «Приветливая роща встречает Вас и открывает Вам трогательный памятник, являющий собою природу, окруженную природой... Тут каждое дерево и деревцо означает какое-либо большое и счастливое событие в семье»¹, с примечанием Жуковского: «Спустясь к реке Славянке, находишь молодую березовую рощу: эта роща называется *семейственною*, ибо в ней каждое дерево означает какое-нибудь радостное происшествие в Высоком семействе царском»². Еще нагляднее эта связь с «Письмами о саде в Павловске» в текстах Жуковского (прозаическом и стихотворном), посвященных памятнику Александре Павловне. Вот как описывает памятник А. Шторх: «Стройная, благородная фигура, черты лица которой напоминают лик ангела, а чело уже отмечено звездой преобразования, намерена покинуть землю. Стоящий рядом с нею гений напрасно старается удержать ее. Она стремится ввысь»³. Сравните с примечаниями Жуковского, почти дословно переданными в поэтическом тексте: «...вы видите молодую женщину, существо более небесное, нежели земное; она готова покинуть мир сей; она еще не улетила, но душа ее смиренно покорилась призывающему ее гласу; и взор и рука ее, поднятые к небесам, как будто говорят: *да будет воля Твоя*. Жизнь, в виде юного гения, простирается у ее ног и хочет удержать летящую; но она ее не замечает; она повинуется одному небу — и уже над головой ее сияет звезда новой жизни»⁴.

И ангел от земли в сиянье предо мной
Взлетает; на лице величие смиренья;
Взор к небу устремлен; над юною главой
Горит звезда преображенья.
Помедли улетать, прекрасный сын небес;
Младая Жизнь в слезах простерта пред тобою...⁵

В примечаниях и стихотворном тексте Жуковского особое значение имеет описание

мавзолея, не имеющее аналогов у Шторха, ибо мемориальный памятник «Супругу — благодетелю» был создан Тома де Томоном и скульптором Мартосом позднее, в 1808–1809 гг. В описании «творения знаменитого Мартоса» — барельефа с изображением скорбящего царского семейства Жуковский акцентирует внимание на фигуре Александра I: «Государь представлен сидящим; голова его склонилась на правую руку, и левая рука опирается на щит, на коем изображен двуглавый орел»⁶. Образ этот воссоздан в поэтическом тексте:

Сей витязь, на руку склонившийся главой;
Сей громоносец двоеглавый,
Под шуйцей твердою сидящий на щите...

Двуглавый орел на щите символизирует надежность и прочность державной власти Александра I, напоминая о недавних событиях Отечественной войны 1812 г. и ее победоносного завершения:

Борьба за честь; народ, покрытый блеском славным;
И мир, воскреснувший по манию небес,
Спокойный под щитом державным⁷.

В элегию включается историческая тема: так, во всяком случае, расшифровывается символика барельефа Мартоса. Однако Жуковский вступает в диалог с Пушкиным, как бы отвечая на прямо обращенный к нему призыв:

О Скальд России вдохновенный.
Воспевший ратных грозный строй,
В кругу друзей твоих, душой воспламененной
Взгнечи на арфе золотой!
Да снова стройный глас герою в честь прольется,
И струны трепетны посыплют огонь в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

Жуковский отказывается воспевать ратные подвиги, он славит мир, добытый кровью русских воинов, и предостерегает Александра, вознесенного на высоту величия и славы, акцентируя мысль о том, что «блага наших дней» и «все величия мгновенны». И что особенно показательно: это предостережение дается при описании памятника Павлу I, в судьбе которого свою роль сыграл и его венценосный сын.

Царские сады в поэзии Пушкина и Жуковского символически выразили идею национальной и человеческой общности российских монархов и их подданных.

¹ Шторх А. К. Указ. соч. С. 27.

² Жуковский В. А. Указ. соч. Т. II. С. 440.

³ Шторх А. К. Указ. соч. С. 38.

⁴ Жуковский В. А. Указ. соч. Т. II. С. 440.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ Жуковский В. А. Указ. соч. Т. II. С. 440.

⁷ Там же. С. 21–22.

⁸ Жуковский В. А. Указ. соч. Т. I. С. 73.